

ГАСТРОЛИ Саратовского академического драматического театра имени К. Маркса в нашем городе стали событием не рядовым. Они проходят при полном зале и неусыпном внимании ленинградских коллег. Привлекает прежде всего репертуар. Семь спектаклей, включенных в афишу, отражают идейные и художественные устремления театра, его ищущий, беспокойный молодой характер. Остросовременная пьеса представлена «Зинуле» А. Гельмана, советская литература прозой Ф. Абрамова, классика — Н. Гоголем, М. Горьким и В. Шекспиром. Есть в

Ф. Абрамова. В нем много знакомых черт, присущих интерпретациям «деревенской прозы»: и тоненькое позавывание колокольчиков, и протяжный журавлиный клик, и шальные северные частушки, и домотканые половички, и деревянные скамейки... Но, наполненный смыслом, этот вешний мир живет чуть не ровнее с героями. Вернее сказать, люди дают вещам, предметам жизнь, причем далеко не однозначную: пекут хлеб — для людей, но и набивают сундуки добром — для себя...
Режиссер четко прочерчивает абрамовскую мысль о тра-

Со времен «Премья» в нашей драматургии не появлялось столь привлекательного положительного образа. Юная диспетчерша, оказавшаяся самой принципиальной, самой требовательной на стройке, готова за свои идеалы, за правду и справедливость, за то, чтобы слово не расходилось с делом, сразиться с целым светом. Ее соседник с шофером Петренко — это борьба мироозеренки, борьба с теми, кому личное благополучие дороже всего. Вызов Зинули не остается гласом вопиющего в пустыне: не сразу, но ее услышали, поняли и поддержали.

итрига и благодаря присутствию трех шутов (Е. Виноградов, В. Емельянов и В. Метлин) — комические элементы. Что ж, для успеха у зрителей это вполне возможный внешний ход. А содержание? Похоже, для режиссера ключом к решению пьесы стало закливание шекспировских ведьм: «Зло есть добро, добро есть зло». Спектакль — об азарте борьбы за власть и об азарте упоения властью. Этой лихорадкой охвачены все — от Дункапа до Малькольма. Единственным, кто не запятан своей репутацией, остается Банко, о нем Макбет говорит с испу-

в спектакль «всего Булгакова» очевидно.
«Великолепного рога носца» режиссер решил как трагифарс о проказах вдохновения, о том, в какие неведомые дали может завести безудержное красноречие. Тема, что и говорить, вполне актуальная. Но как сплести в цельное впечатление подлинные следы Стеллы (И. Петрова), стареющее от «проказа вдохновения» лицо поэта Бруно (В. Метлин) и антураж из якобы фарсовых элементов, не имеющих никакого касательства к сюжету?
В центре горьковских «Чудаков» — тот же герой. И в исполнении того же молодого актера. Писатель Мастаков тоже живет вне реальности и «над» моралью. Здесь театр решил помянуть над слабыми, мягкими, ноющими мужчинами. Но опять что-то недорешил с жанром — комедия начинается лишь к середине второго акта, а до того играется символистская драма в духе Стриндберга — с тягостной атмосферой, трагическими аккордами, значимыми мизансценами, но без развития характеров.
«Ревизор» прямо-таки переполнен режиссерскими находками, всевозможными эффектами и трактовочными идеями. По преимуществу, идеи эти — декоративного свойства (исключая, быть может, «ход конем» — игру с двумя лошадьми), они не вытекают одна из другой, не образуют действия и главное — мешают актерам. Порой кажется, что спектакль поставлен поэтом Бруно — безусловно талантливым, но увлекательным и приносящим на алтарь вдохновения самое дорогое. В тех сценах, где буйная фантазия постановщика отдыхает, возникает превосходные эскизы образов Хлестакова (В. Емельянов), Городничего (Г. Ардаков) и других.
Хочется повторить: актеры — главное богатство Саратовского театра. Труппа в согласии с сильной сценографией Е. Иванова и самобытной драматургией, при бережной и чуткой режиссуре может подняться до серьезнейших размышлений о нашем времени и его героях. Чему мы были свидетелями на спектакле «Жили-были мать да дочь».

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

Грани вдохновения

репертуаре и пьесы с громкой славой, но скромной сценической судьбой — комедия М. Булгакова «Зойкина квартира» и фарс Ф. Кромбейника «Великолепный рогоносец». Мимо такой соблазнительной афиши пройти трудно.

Самое сильное впечатление от Саратовского театра — его актеры. Труппа удивила множеством неповторимых индивидуальностей. Народная артистка СССР В. Ермакова блестяще графами постижения народного характера. Заслуженная артистка республики Л. Гришнина с лицедейским размахом сыграла роли от абрамовской Мани-большой до леди Макбет. Народный артист республики А. Галко запомнился мягким юмором и несомненным обаянием.

В труппе сильное молодежное «ядро», на котором держится весь репертуар и роли всех планов — от главных до эпизодических (среди последних, например, О. Крючкова — Нина в «Зинуле», абрамовский Сергей А. Курцына).

Все семь спектаклей поставил главный режиссер А. Дзекун. Внешне совершенно разные, они объединены размышлениями о нынешних героях и антигероях.

Самым актуальным для ленинградской аудитории оказался спектакль «Жили-были мать да дочь» по произведению

гической вине Пелагеи перед Алькой: духовное наследство матери оказалось столь скудным, что дочь его даже не заметила. В спектакле смыкаются прошлое и настоящее, реальность переплетается с условностью. Вот молодая Пелагея (З. Крамаренко) приносит Пелагее — старухе (В. Ермакова) спеленутое дитя. В свертке вместо мясной Альки оказывается лишь ворох тряпок — те отрезки, что хранила Пелагея в сундуке, да еще буханка хлеба. Таков итог жизни Пелагеи: дочку потеряла, бессмысленно копилась баряхло, разве что хорошей пекарихой была. Но и в этом обольщаться особенно не приходится. Снова вернется память старуха к далекому прошлому, распустит молодая Пелагея прекрасные золотые волосы, и мы узнаем, сколь несправедливой ценой заплатила она, чтоб в тяжелое голодное время стать пекарихой...

Жизнь Пелагеи объясняет спектакль характер «перелетной птички» Альки. Образно режиссерской мысли раскрывается в спектакле множество точных метафор, как бы обрамляющих психологические портреты героев. Портреты становятся сколками судеб. Судьбы — частью нашей недавней истории.

Совершенно иной характер в центре спектакля «Зинуля».

Пафос пьесы находит отклик в зрительном зале. Но режиссер, словно не доверяя публицистичности «Зинули», пытается усилить ее звучание. Сцена заполнена техникой: то и дело грохочет и сверкает огнями электричка, ей вторят два автомобиля, назойливо олицетворяющие, должно быть, мешанское благополучие. В этом машинизированном мире борьба идей заметно сужается. Да и сама Зинуля перестает быть героиней. Несмотря на предельную искренность актрисы А. Калининной, невзирая на горячие ее слезы и истовость интонаций... Будь контраст между ней и ее подругами очевидней, будь Зинуля этакой хрупкой, беззащитной девочкой с заснятым от напряжения голосом — драматизм ситуации был бы острее и наглядней.

Удачен, пожалуй, лишь финал, когда даже после окончания спектакля, после поклонов и аплодисментов остается упрямо сидеть на пенке «наследница» Зинули.

...Напористая «пиратская» музыка; остроумная, как бы выворачивающаяся низзатанку декорация С. Шавалянского; захватывающие бои, искусно поставленные А. Шилевым, — так вот саратовский «Макбет». Вместо мрачной трагедии мы увидели спектакль энергичный, где на авансцену выступают

гому: «В его присутствии мой дух мельчает». Можно добавить, что подобная трактовка измельчила дух всех персонажей, особенно сказавшись на главном герое.

Макбет предстал вполне безобидным воякой, захмелевшим от поддержки фортуны. Тревожиться возвращается к нему в миг кончины леди Макбет — герой теряет интерес к власти и ищет смерти. В финале сам возмает себе в сердце клинок врага. Пожалуй, именно этот отрезок судьбы героя удался постановщику и артисту Г. Ардакову. Сердешника же действия во многом держится на хрупких плечах леди Макбет (Л. Гришнина). Этаким «тихим омут», она своей видной слабостью подбывает слабого духом мужа на все новые и новые убийства...

«Макбет» и другие спектакли раскрывают любовь режиссера к концепциям. Но, увы, не всякая пьеса, так сказать, растормима без овода: можно уложить в форму трактовки лишь часть, остальное же остается неприбранным, повергая зрителей в недоумение. Особенно не повезло, на наш взгляд, булгаковской «Зойкиной квартире»: зрители так толком и не сумели понять, что происходит на сцене — «домового ли хоронят, ведьму ли замуж выдают»? Хотя намерение режиссера вместишь

Е. АЛЕКСЕЕВА